

Илья Болотовский, 1979 г.

**Илья Юльевич
Болотовский**
(1907 - 1981)

Сергей Голлербах
(Нью-Йорк)

На вопрос, можно ли считать Илью Юльевича Болотовского художником Русского Зарубежья, ответить следует скорее отрицательно. Ведь он прибыл в Соединенные Штаты в 1923 году в возрасте 16 лет, получил там художественное образование и стал впоследствии одним из выдающихся абстракционистов Америки. Кстати, выходящий из России среди американских модернистов немало, взять хотя бы Луизу Невельсон (Белявскую), Марка Ротко (Ротковича) и Юлия Олицкого. Все они, как и Илья Болотовский, стали американскими, а не эмигрантскими художниками.

Тем не менее мне все же хочется написать о нем, так как Илья Болотовский принадлежал к младшему поколению того русско-еврейского Нью-Йорка, который давно уже отошел в историю. Но в самом начале 1950-х годов этот Нью-Йорк еще существовал, и я его застал. Вспомним, что главным редактором газеты "Новое русское слово" был тогда Марк Ефимович Вейнба-

ум, а его заместителем - Андрей Седых (Яков Моисеевич Цвибак). Мария Самойловна Цетлина устраивала в своей квартире на 72-й улице в Манхэттене литературные суарэ (на них бывал А.Ф.Керенский). Издавался журнал "Социалистический вестник", в котором сотрудничали Аронсон, Вишняк, Далин, Тартак и др. В журнале "Тайм мэгэзин" работали Марк Вишняк и Вера Коварская, а по всему верхнему Бродвею практиковало много русских врачей и адвокатов.

Кроме того, "американец" Болотовский сохранил не только свой родной русский язык, но, как мне теперь кажется, и некоторые русские психологические черты в своем абстрактном искусстве.

И, наконец, судьба Болотовского сама по себе интересна, и человеком он был необычным. Помимо живописи и скульптуры, он занимался кино и писал пьесы. В молодости объездил всю Европу на велосипеде. Любил плавать, пилотировать спортивные самолеты, ездить на спортивных автомобилях. Обладал большим чувством юмора, энергией, говорил и двигался быстро и был, как говорится, "колоритной фигурой" в русско-еврейско-американском обществе.

Познакомила меня с семьей Болотовских Татьяна Георгиевна Дерюгина (впоследствии вышедшая замуж за писателя Владимира Варшавского, автора книги "Незамеченное поколение"). Она работала тогда на радиостанции "Свобода" вместе с сестрой художника Миррой Юльевной. В первый мой визит к Болотовским там присутствовали только сестра и отец художника, известный адвокат Юлий Болотовский, помогавший многим новоприбывшим эмигрантам. Сам художник находился тогда в штате Вайоминг, где преподавал живопись. Мирра Юльевна показала мне ряд ранних, реалистических работ своего брата и сказала, что он давно уже занимается абстрактной живописью и пользуется сейчас большой известностью. С Ильей Юльевичем я познакомился во второй или третий визит и даже показал ему мои довольно еще ученические работы. Он отнесся ко мне с большим вниманием, но, конечно, посоветовал отойти от реализма и предложил обратиться к художнику Гансу Гофману, у которого была частная школа живописи. "Он вам поможет". О Гофмане я не имел никакого понятия, но, увидев его абстрактные полотна, решил, что у него продолжать учиться живописи не стоит. Много лет спустя я узнал, что Ганс Гофман был прекрасным педагогом и совсем не старался сделать из своих учеников худож-

ников-абстракционистов. До сих пор сожалею, что не последовал совету Ильи Юльевича, но молодость упряма и самонадеянна.

Что касается работ самого Болотовского (я видел их на выставках в галереях Боргенихт и Уашберн, а потом на ретроспективной выставке в музее Гугенхайма в Нью-Йорке), то, оттолкнув меня сначала своим "холодом", они постепенно стали для меня более приемлемыми и понятными. Настолько, что я написал небольшую статью о творчестве Ильи Болотовского, которая передана была, кажется, по радио "Свобода". Узнав о ней, Илья Юльевич любезно пригласил меня зайти к нему в ателье. (он только что переехал на постоянное жительство в Нью-Йорк), но я почему-то не мог прийти и отложил мой визит на неделю-другую. И вдруг прочел в газете о трагической гибели художника: он свалился в шахту лифта и разбился насмерть. Произошло это в 1981 году. Статья о его творчестве у меня сохранилась и легла в основу этого нового расширенного очерка. Сын художника Андрей, известный музыкант, любезно предоставил мне добавочные материалы и фотографии. Начну с биографии художника.

Илья Юльевич Болотовский родился 1 июля 1907 года в Санкт-Петербурге. Отец его изучал тогда право, мать Анастасия, урожденная Шапиро, посещала Бестужевские курсы, занималась биологией и живописью. Будущий художник рос в высококультурной, интеллигентной семье, причем начальное образование получил дома – ему наняли учителя. Вскоре семья переехала в Баку, где отец открыл адвокатскую практику, а юный Илья поступил в гимназию. В интервью, данном Ильей Болотовским Полу Куммингсу в 1968 году для Архива американского искусства, художник описывает положение в Баку таким образом (перевод с английского мой. – С.Г.):

Коммунисты заняли Баку в 1917 году, но оставили его в 1918-м, так как турецкая армия осадила город. Сражаться с 30 000 турок коммунисты не захотели. К тому же турки осадили Баку после того, как перерезали два миллиона армян. Британцы – не забудьте, что то были старые, почти киплинговские времена – находились тогда в Иране (он назывался Персией). Они послали армию в 300 человек (три четверти которых было на голодном пайке) сражаться с 30 000 турок и организовывать сопротивление туркам среди местного населения. В Баку рабочие-нефтяники, все – славяне, воевать с турками не захотели, так как и коммунисты в это дело не вмешивались. Армяне, запуганные турками, предпочли оста-

ваться нейтральными. Не захотели воевать и мусульмане-татары. Таким образом, британцы, из них несколько десятков англичан и пара сотен индусов, защищали Баку от турок в течение трех месяцев, пока им это не надоело и они не ушли. Но как они уходили! Совершено это было со стилем, и мне кажется, что другие страны могут в этом отношении поучиться у британцев. Турецкие представители были приглашены на городскую площадь и винтовки обеих сторон сложены в центре. Офицеры произнесли речи, отдали честь и пожали друг другу руки. Британцы преподнесли туркам нечто вроде ключа города и попросили их, заняв город, вести себя цивилизованным образом, что турки пообещали. Затем вся британская армия в 300 человек под звуки вольновок отправилась в порт. За ними бежала толпа мальчишек-татарчат, кричавших "ура" только потому, что им нравилась британская военная форма. С большим достоинством британцы сели на маленькое судно и отплыли в Иран.

Илья Болотовский подробно описывает оккупацию города турками и последовавшими за ними курдами. Последние сразу же занялись мародерством. В некоторых частях города устроена была резня населения. Неудивительно, что Болотовские вскоре перебрались в Кутаис, затем в Батум и, наконец, в Константинополь (Истамбул). Там молодой художник поступил во французский Колеж Сен-Жозеф. "Это была хорошая школа, – вспоминал он, – очень католическая, очень французская и, собственно говоря, первая настоящая школа. Мне было тогда 13 лет, и я закончил ее в 16". Илья учился хорошо и вскоре стал первым учеником. Жили Болотовские в большом доме с квартирами для найма. Принадлежал он русским офицерам, и среди жильцов, естественно, преобладали русские. Но попадались и много студентов-греков, армян, турок и "эспаньолов". "Эспаньолы, – поясняет Болотовский, – это испанские евреи, бежавшие от инквизиции. Они сохранили чистый средневековый испанский язык и считали современным испанский язык испорченным".

Остаться в Константинополе, конечно, не имело смысла, и семья Болотовских в 1923 году прибыла в Соединенные Штаты. Илья, помимо русского языка, хорошо знал французский, плохо – латынь, умел читать и писать по-татарски, но по-английски не знал ни слова. Это, конечно, доставляло ему немало трудностей, но таков был путь большинства эмигрантов. Например, отцу Ильи Болотовского пришлось поступить на вечерние курсы английского языка, а днем работать в бан-

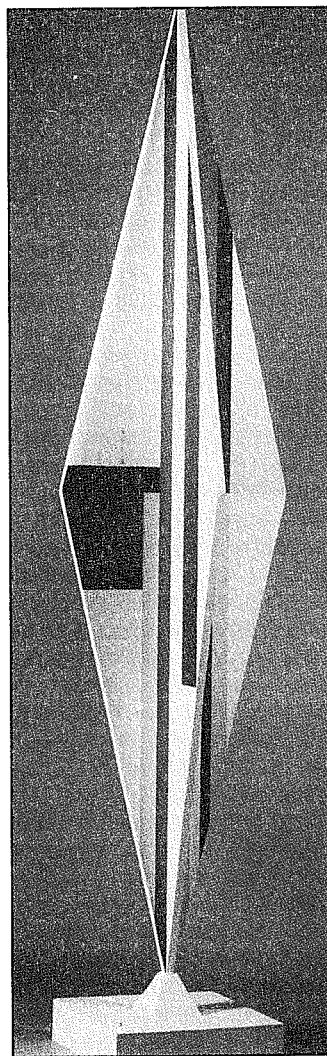
ке, прежде чем он смог получить право на адвокатскую практику. Мать художника долгое время занималась рекламной графикой. Как похожи эмигрантские судьбы тогда и теперь!

Художественное образование Илья Болотовский получил в Национальной академии дизайна в Нью-Йорке (в старом употреблении это слово охватывало все виды искусства – живопись, скульптуру, архитектуру и графику). Он занялся живописью в классе академика Ивана Григорьевича Олинского. Национальная академия всегда пользовалась репутацией очень консервативной школы. "Нас предупреждали не следовать примеру таких людей, как Пикассо и Сезанн, потому что Пикассо никогда не научился рисовать, а Сезанн не умел писать красками", – вспоминал Болотовский и добавлял, что сам он противился этим взглядам и тем, по мнению профессоров, оказывал дурное влияние на студентов. В Академии тогда царили довольно грубые нравы, между студентами происходили драки, и Болотовскому как-то разбила нос. Впрочем, обо всем этом художник вспоминал с чувством юмора и даже с известной теплотой, так как в это время в американском искусстве происходили большие сдвиги, и молодой Болотовский оказался в самом центре художественного брожения.

Как мы знаем, начало 30-х годов – это время знаменитой Депрессии в США, время безработицы и экономического кризиса. Для помощи творческим людям правительство президента Рузвельта организовало так называемую WPA-Works Progress Administration. Эта правительственная организация давала работу художникам (среди них было много модернистов), главным образом заказы на панно для общественных зданий. Болотовский исполнил панно для жилищного массива Уильямсбург в Нью-Йорке, для павильона Медицинских наук на Всемирной выставке в 1939 году и для Госпиталя хронических заболеваний.

Но в эти годы в среде так называемой прогрессивной американской интеллигенции распространены были левые, часто просоветские настроения. Вот как описывал Илья Болотовский ситуацию тех лет:

Вы даже не могли найти себе подругу, если Вы не работали для спасения всего человечества. Вы должны были быть реалистом, пишущим картины с социальным значением (какая поразительная параллель с Советским Союзом! – С.Г.). Меня, абстракциониста, считали "мелкобуржуазным аристократом" и мне угрожали. У наших коммунистов был список

Ромбоидная колонна А.
1979 г.

Губаренко. Громадного роста, хороший боксер-тяжеловес, он страдал одним недостатком – не мог пить. После стакана водки он валился под стол и засыпал. Летчики решили, что он

"врагов", где числились я, Марк Ротко, Адольф Готлиб, Мейер Шапиро (знаменитый, недавно скончавшийся искусствовед, уроженец Литвы) и Болькомб Грин. Когда нас видели, нам грозили кулаками и кричали: "Мы до вас еще доберемся!" Во время советско-финской войны американские коммунисты утверждали, что Финляндия по численности превосходит СССР и развязала войну, цель которой – покорение России.

Воспоминания Болотовского полны таких интересных и неожиданных штрихов и наблюдений. Чего стоит, например, рассказ о его работе в качестве переводчика во время 2-й мировой войны в Номэ, на Аляске, на американской военной базе, которой пользовалась советская авиация.

Причина, по которой он был послан в Номэ, заключалась в следующем. Советские летчики пожаловались американцам на то, что данный им переводчик, некто Пропинько, слишком просоветски настроен. На своем ломаном русском языке он объяснял им, какие они счастливые люди, что живут в Советском Союзе. А у тех по крайней мере один член семьи был расстрелян Сталиным. Советские летчики думали, что Пропинько над ними издевается. На его место взяли другого, американского украинца по фамилии

делает это нарочно, чтобы показать им, какой он "утонченный" человек. Илья Болотовский, заменивший этих двух, тоже был подвергнут экзамену водкой. С ним посадили офицера, и они осушили по стакану. Затем к нему подошел другой офицер, и они тоже выпили. Болотовский моментально понял, что его хотят спойть, и стал протестовать против того, что каждый раз он пьет с другим. Офицеры однако утврждали, что это тот же самый человек и заставляли пить дальше. Когда после четырех стаканов водки Болотовский все еще держался на ногах, они решили, что он "подходит".

Но достаточно анекдотических историй, перейдем теперь к Болотовскому-художнику.

Илья Болотовский был членом и одним из основателей Общества американских абстрактных живописцев и одно время президентом этого общества, а также президентом Федерации современных живописцев и скульпторов. Болотовский, как уже было сказано выше, автор многих монументальных панно и станковый живописец. Он известен был своей педагогической деятельностью – профессор живописи, рисунка и дизайна в Блэк Маунтэн Колледже в штате Вайоминг и в государственном университете и колледже в г. Саутгемптон. Автор книги "Русско-английский словарь живописи". Получил множество наград и отличий, среди них приз за абстрактную живопись от Американского института искусств и словесности. Из крупных выставок следует отметить выставку "Классический дух 20-го века" в галерее Сидней Джанис в Нью-Йорке в 1968 году и большую персональную выставку в музее Гуттенхайма в Нью-Йорке в 1974-м. Всего у Болотовского состоялись двадцать четыре персональные выставки. Он участвовал также в многочисленных групповых выставках в Соединенных Штатах и в Европе в течение нескольких десятилетий.

Как художник-абстракционист Илья Болотовский являлся продолжателем идей неопластицизма, основателями которого считаются голландские художники Мондриан, Ван Дозбург и Вантонгерло. В этом очерке нет места для обсуждения философских и эстетических позиций этого направления. Скажем только, что его отличительные черты – строгая геометрическая абстракция, состоящая из вертикальных и горизонтальных полос и линий, с образующимися при их пересечении цветовыми квадратами и прямоугольниками. Вот что говорил сам Илья Болотовский:

Мне совсем не трудно избежать в моей живописи всех ненужных литературных, фигуративных, романтических или сюрреалистических элементов. Я не жалею о богатейших возможностях, которые дает геометрия многим другим художникам. Неопластицизм вышел из кубизма. Он сродни геометрическому искусству, но он не геометричен, как, например, работы конструктивистов. В то время, как геометрическое искусство исследует многочисленные возможности геометрических фигур, неопластицизм ограничивает себя соотношениями "под прямым углом", так как эти соотношения кажутся мне более тонкими и значительными. Сейчас, когда живопись мучает глаз, а музыка – барабанную перепонку, особенно важно искусство, стремящееся найти новый путь к балансу и гармонии /.../. Искусство, которое, по словам Мондриана, доводит до яснейшего определения внутреннее состояние человека.

Позволю себе теперь вернуться к самому первому вопросу – можно ли считать Илью Болотовского художником Русского Зарубежья? Я ответил – скорее всего нет, но добавил, что в его творчестве есть, возможно, какие-то русские психологические черты. Думаю, что я прав. Неопластицизм, конечно, никак не русская идея в искусстве. Но поиски правды, духовности и синтеза присущи были многим русским художникам-модернистам от Малевича до Кандинского. Да и русская икона, это "умозрение в красках", ничего общего не имеет с реализмом западной религиозной живописи. Таким образом, отталкивание от материалистического реализма и следование каким-то высоким целям в искусстве можно считать вполне русским явлением, несмотря на преобладание в русской живописи 19-го века бытового реализма. Серебряный век открыл русской живописи иные возможности, и в этом смысле "американец" Болотовский – наследник его идей.

Когда Болотовского спросили, не считает ли он, что, прожив всю свою взрослую жизнь в Соединенных Штатах, он все же во многом обязан своему русскому прошлому, художник ответил так:

Конечно, чем старше становится человек, тем более склонен он оглядываться назад, к своим истокам. Процесс старения охватывает все, включая голос, структуру речи и художественный стиль. У Кандинского его русское прошлое стало проглядывать в последние годы его жизни: например, его цвет, всегда носивший в себе влияние византийских икон,

стал еще более русским. И это несомненно так и в моем случае.

Как бы то ни было, большое искусство всегда выходит за рамки чисто национального, и решать, русский, еврейский или американский художник Илья Болотовский, нам, пожалуй, не следует. Главное, что он был, творил и оставил после себя большое художественное наследие.

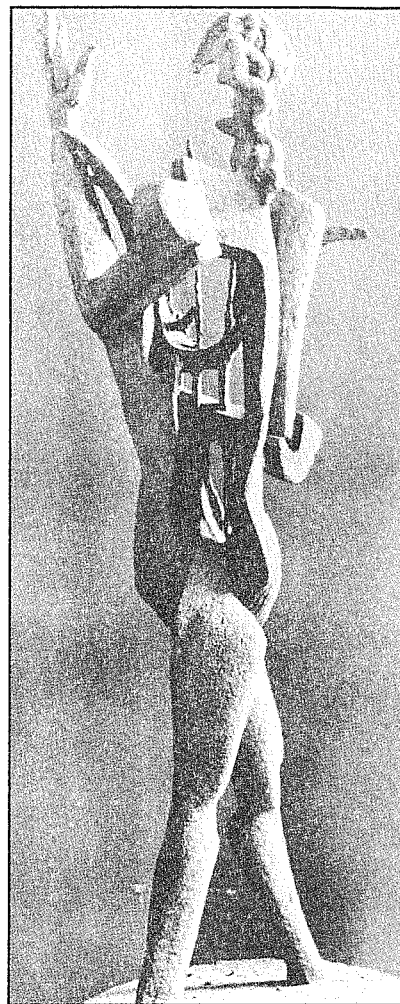
Список литературы

Adventures with Bolotowsky. Interview by Paul Cummings. Archives of American Art Journal. 1968. March 24 & March 31.

Bolotowsky Илья. On neoplasticism and my own work: a memoir. Leonardo. V.2. PP 221-230. Pergamon Press. 1969.

Bolotowsky Илья. Current Biography. April 1975.

Going Abstract in the 30's. An interview with Илья Bolotowsky by Susan Carol Larsen. Art News. Sept. 1976.

О. Цадкин. Орфей. 1949. Бронза.
Музей современного искусства,
Париж

обучаясь ремеслу столяра. В городе Витебске, одарившем XX век уникальными художественными талантами, все годы одноклассником Цадкина в училище был не кто иной, как Марк Шагал. Земляк – смолянин Л.М.Лисицкий, также подолгу

Осип Цадкин (1890-1967)

Александра Шатских
(Москва)

Одним из самых знаменитых монументов XX века стал памятник "Разрушенный город", открытый в Роттердаме в 1953 году. Фигура искореженного, агонизирующего человека с вырванным сердцем воплотила ужас кровавой акции немецких фашистов, дотла разбомбивших Роттердам 14 мая 1940 года. Трагедийный пафос монумента возвел его в ранг великих символов XX века, поставившего человечество на грань самоистребления. Автором бронзовой статуи был французский скульптор Осип Цадкин, выходец из России.

Осип Цадкин – в российских документах его имя значилось как Иосель (Шмуyle) Аронов Цадкин – родился в Смоленске, но большую часть своего детства и отрочества провел в Витебске. Краеведам совсем недавно удалось выяснить, что здесь он занимался в 4-классном городском училище (1900-1904),